

После инцидента с похищением Шэнь Хан и Фан Цзяцзя почти каждый день звонили друг другу. Хотя они не виделись, они обсудили множество вопросов. На самом деле Фан Цзяцзя хотела стать менеджером своего старшего брата, потому что история с Чжоу Лоянем показала ей, насколько важен хороший менеджер для артиста. Если попадешь к недобросовестному человеку, карьера может быть разрушена. Но она также понимала, что ничего не знает в этой сфере, и, если станет менеджером без подготовки, только создаст проблемы для Шэнь Хана. Поэтому она решила начать с работы ассистента.

Это было решение, к которому они пришли после множества обсуждений.

Хуан Хун нахмурился:

— Твоя сестра? Я помню, ей всего несколько лет, она еще учится... Как она может быть твоим ассистентом?

Шэнь Хан поспешил ответить:

— Она учится в техникуме на секретаря. В следующем году она закончит учебу, и школа разрешает ей начать стажировку на полгода раньше.

Хуан Хун подумал:

— Тогда пусть придет на собеседование...

— Пусть у него будет два ассистента. Так будет проще ее обучить, — вдруг сказал Ся Чуньян.

— Господин Ся?!

Ся Чуньян открыл глаза и посмотрел на Шэнь Хана. За несколько месяцев, что он его «опекал», Шэнь Хан, хоть и выглядел бодрым, стал очень худым и нездоровым. С точки зрения Ся Чуньяна, его организм не восстановился, а, наоборот, стал еще слабее... Конечно, он понимал, что это не та слабость, о которой можно подумать. Это было следствием потери энергии ян, и его тело не могло восстановиться естественным образом. Если говорить мистически, то Шэнь Хан был истощен, и его судьба казалась короткой.

Это открытие не обрадовало Ся Чуньяна. Но он не хотел больше вмешиваться в жизнь Шэнь Хана, поэтому решил помочь косвенно, позволив его сестре быть рядом. Родной человек будет заботиться о нем лучше, чем кто-либо другой. Сказав это, он закрыл глаза и мысленно позвал Старого Призрака, чтобы спросить, что можно сделать. К сожалению, Старый Призрак по-прежнему не отвечал.

Но Ся Чуньян не знал, что в строгой иерархии Гильдии актеров только звезды первой величины имели право на двух ассистентов. Конечно, если звезда не была такого уровня, но все же хотела двух ассистентов, она могла заплатить штраф в десять раз превышающий ее гонорар.

Шэнь Хан был на грани первой величины, и его гонорар составлял около 200 000 юаней. Штраф в десять раз больше — это 2 000 000...

Два миллиона можно было бы вложить в производство нового фильма!

Хуан Хун, хорошо знавший правила трех гильдий, чувствовал, что его ударили камнем в грудь. Но чтобы сохранить имидж Ся Чуньяна, он должен был проглотить свою обиду и не сказать ни

слова против!

Не выноси сор из избы, не выноси сор из избы, не выноси сор из избы!

Важные вещи нужно повторять трижды!

У Хуашэн же был настолько впечатлен щедростью Ся Чуньяна, что его дыхание участилось, а глаза загорелись. В его голове крутилась только одна мысль: если он привяжется к этому человеку, у него будет все, что он захочет!

Только Шэнь Хан чувствовал глубокое беспокойство. Вспоминая свои разговоры с Фан Цзяцзя, он робко сказал:

— Господин Ся, я не заслуживаю такой милости... Мы уже слишком многим вам обязаны... Пусть Цзяцзя пройдет собеседование, если пройдет — хорошо, если нет — пусть работает помощницей, не обязательно ассистентом...

— Господин Ся, вы действительно великолепны! Не моргнув глазом, вы вкладываете два миллиона ради своего любимца! Мы, простые смертные, можем только завидовать! Правда, Чжэньчжэнь? — молодой человек лет двадцати с небольшим, держащий под руку красивую девушку и сопровождаемый двумя, похоже, подчиненными, стоял рядом с ними.

Эти слова звучали неприятно.

Одно дело — знать о чем-то, другое — стать свидетелем этого. Шэнь Хан чувствовал себя настолько неловко, что не знал, куда деть руки.

Хуан Хун нахмурился:

— Господин, подслушивать чужие разговоры — это уже невежливо. Не делайте поспешных выводов, не зная всей истории. Это может повредить чьей-то репутации.

Молодой человек поднял правую бровь и с напускной небрежностью сказал:

— Этот зал ваш? Или отель ваш? Если это общественное место, вы можете говорить, а я могу слушать. Как это стало подслушиванием? Если у вас есть что-то скрытное, арендуйте комнату и говорите там! И кто вы такой, чтобы так со мной разговаривать? Вы знаете, кто мой отец?

— Вы...

— Что «вы»? Сразу видно, что вы наемный работник! Бедняга! Мой отец одним словом может лишит вас работы! — молодой человек вел себя крайне нагло.

Ся Чуньян с недовольством открыл глаза и посмотрел на молодого человека. Его память была отличной, и он сразу понял, что никогда не видел этих четверых:

— Кто твой отец?

Молодой человек с пренебрежением посмотрел на Хуан Хуна, а затем, обращаясь к Ся Чуньяну, сдержал себя, но все же сохранил некоторую напускную важность:

— Ли Динцзян!

Ся Чуньян быстро перебрал в уме известные ему имена и спокойно сказал:

— Не знаю. Можешь идти.

Молодой человек замер, как будто не мог поверить своим ушам:

— Что ты сказал?

Девушка, которую он держал под рукой, надула губы и с жеманством сказала:

— Шао-гэ, он сказал, что не знает дядю Ли.

Ся Чуньян нахмурился, глядя на девушку. Он был уверен, что никогда ее не видел, но не пропустил мгновенный проблеск злобы в ее глазах.

— Кто ты? — спросил Ся Чуньян, глядя на девушку.

Девушка, казалось, испугалась, крепче сжала руку молодого человека и слегка спряталась за его спину, всем телом прижимаясь к его руке и локтю, и с жалобой сказала:

— Шао-гэ, мне страшно... — при этом она продолжала тереться своей грудью о его руку.

Ли Шаотянь сразу же принял вид человека, потерявшего голову от вожделения:

— Чжэньчжэнь, не бойся! Я с тобой! Господин Ся! Мы пришли с добрыми намерениями, почему вы так недружелюбны? Если у вас есть претензии, обращайтесь ко мне, не обижайте Чжэньчжэнь, она слабая девушка!

Слова Ли Шаотяня звучали громко, и их услышала большая часть зала. Тем более, что место, где находился Ся Чуньян, и так было в центре внимания. Многие хотели подойти и завязать отношения, но из-за предупреждения Хуан Хуна и молчаливого отказа Ся Чуньяна они не решались. Теперь, когда Ли Шаотянь сделал первый шаг, другие стали наблюдать более открыто.

Ся Чуньян внимательно посмотрел на эту пару, которая разыгрывала спектакль, и спокойно сказал:

— Идиоты.

В тот же миг лица всех, кто слышал это, исказились. Только Ся Чуньян выглядел так, будто ничего не произошло. Он встал и посмотрел на Хуан Хуна:

— Секретарь Хуан, мне еще нужно оставаться здесь? Я думал, что на этом вечере будут такие же люди, как на том ужине, который устраивал мой старший брат. Но, похоже, здесь есть и такие... Если все такие, то Ван И и его команда справятся. Это пустая трата времени...

Слова Ся Чуньяна, по сути, оскорбили всех присутствующих! Это было видно по их бледным и красным лицам. Но все, кто знал о его «старшем брате» и о том ужине в особняке семьи Ся, который заставил весь Гонконг усилить безопасность, не могли возразить. Потому что Ся Чуньян был прав: все они вместе не стоили одного гостя с того ужина...

Для тех, кто хотел устроить скандал, это было откровенной пощечиной! И они могли только молча проглотить ее!

Ся Чуньян интуитивно чувствовал, что Хуан Хуну тоже не нравится эта обстановка:

— Если все в порядке, я ухожу. Секретарь Хуан, вы со мной?

Увидев, что Ся Чуньян даже не понимает, что он натворил, Хуан Хун чувствовал одновременно облегчение и головную боль. Ся Чуньян мог уйти, не замечая последствий, но он не мог. Более того, он должен был заставить Ся Чуньяна остаться еще ненадолго. Ведь уйти сразу после того, как дали пощечину, выглядело бы как попытка оскорбить, а не наладить отношения.

<http://bllate.org/book/16572/1513451>